БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Я. И. ПЕРЕЛЬМАН

ЧУДО НАШЕГО ВЕКА

РИСУНКИ В. ТВАРДОВСКОГО

«РАДУГА»
1925

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Я. И. ПЕРЕЛЬМАН ЧУДО НАШЕГО ВЕКА

В этой книге Я.И.Перельман рассказывает о нехитрых приемах, с помощью которых обманывают публику «отгадыватели мыслей» и прочие «феномены».

-
- Афиша
- Феноменальная память
- Чревовещание
- Сверх программы
- Отгадывание мыслей
- Мальчик с верхнего этажа
- Секрет феноменальной памяти
- Тайна отгадывания мыслей
- Статья профессора Б.
- notes
  - 1

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Я.И.ПЕРЕЛЬМАН П-27

ЧУДО НАШЕГО ВЕКА

рисунки
В.ТВАРДОВСКОГО

П.27

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД «РАДУГА» МОСКВА
1925

1957-58 г.
668721 реф. оц.
Российская государственная детская библиотека
Дет. библиотека Моск. Госуд. Пед. института

Ленинградский Гублит № 10259 Тираж 10000 экз. — 4½ п. л.

Гос. уч. практ. школа-тип. им. тов. Алексеева. Ленинград, Красная, 1

Афиша

То, о чем рассказывается в этой книжке, я поклялся когда-то никому не открывать. Я был 12-летним школьником, когда мне доверили эту тайну, а слово дал я мальчику моего же возраста.

В течение ряда лет клятва соблюдалась мною. Почему я сейчас считаю себя от нее свободным, вы узнаете из последней главы моего рассказа. Теперь же начну с самого начала.

_____

Это «начало» вспоминается мне в виде огромной пестрой афиши на одном из многочисленных заборов моего родного города.

Я спешил из школы домой, где ожидало меня недочитанное «Путешествие к центру Земли» Жюля Верна, когда увидел большую красно-зеленую афишу, возвещавшую о совершенно необычайных вещах.

Я увидел большую афишу…

В город прибыло и будет показываться «чудо нашего века». Вот в чем оно состояло:

ЧУДО НАШЕГО ВЕКА!
Феноменальный мальчик Феликс 12 лет.
I.
Необычайная память!
Феликс запоминает с одного раза
100 слов,
названных публикой, и повторяет их в любом порядке по желанию присутствующих,
а также
называет порядковый № каждого слова.
Беспримерный успех в столицах и в провинции!!!
II.
Отгадывание мыслей!
Феликс с завязанными глазами отгадывает задуманные вами предметы,
содержимое ваших карманов, кошельков и проч. и т. д.
Представление проходит под контролем
Специальной комиссии,
выбранной самой публикой из своей среды.
Все могут убедиться в отсутствии обмана.
ЧУДО НАШЕГО ВЕКА!

— Надувательство! — услышал я за собой самоуверенный голос.

Я обернулся: позади меня читал ту же афишу один из учеников нашего класса, верзила-второгодник, называвший всех нас не иначе, как «мелюзгой».

— «Обман и надувательство!»

— Обман и надувательство! — повторил он. — За твои деньги тебя же и одурачат.

— Не всякий позволит себя провести, — ответил я. — Умного человека не одурачат.

— А тебя одурачат, мелюзга, — отрезал он, не догадываясь, кого я разумел под умным человеком.

Раздраженный его презрительным тоном, я решил непременно пойти на представление, все увидеть самому, быть настороже и глядеть в оба. Если будут одураченные, я не окажусь в их числе. Нет, человека с головой не одурачишь!

ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

В

В городском театральном зале мне случалось бывать редко, и потому я не сумел выбрать себе за небольшие деньги хорошее место. Пришлось сидеть довольно далеко от сцены. Хотя глаза у меня тогда были зоркие и видел я сцену недурно, я не мог отчетливо различить лица феноменального мальчика, «чуда нашего века». Мне далее показалось, что я где-то раньше видел это лицо, — хотя я понимал, конечно, что до сих пор не мог знать Феликса.

Взрослый мужчина, вышедший на сцену одновременно с мальчиком, тотчас же приступил к «сеансу мнемоники», как выразился он, обращаясь к публике. Приготовления были тщательные. Фокусник (я так называл его про себя) завязал мальчику глаза и посадил на стул посреди сцены, спиной к зрителям.

Фокусник завязал мальчику глаза.

Несколько человек из публики были допущены на сцену, чтобы удостовериться в отсутствии какого-либо обмана.

Сам же фокусник спустился со сцены, прошел между креслами в задние ряды и, держа в руках раскрытую папку с бумагой, предлагал зрителям вписывать туда названия задуманных предметов — каких угодно.

— Прошу запомнить порядковые №№ ваших слов, — говорил он; — Феликс будет их называть!

— Не угодно ли и вам, молодой человек, вписать несколько слов? — обратился фокусник ко мне.

Взволнованный неожиданностью, я никак не мог придумать, что писать.

Сидевшая рядом девушка торопила меня:

— Пишите же, не задерживайте! Не знаете что? Ну пишите: ножик, дождь, пожар…

Я смущенно вписал эти слова против №№ 68-го, 69-го и 70-го.

Я вписал слова…

— Запомните ваши номера, — сказал мне фокусник и пошел дальше по рядам кресел, пополняя список новыми словами.

— Номер сто! Достаточно, благодарю вас, — громко объявил он, наконец. — Прошу внимания! Теперь я прочту список вслух один только раз, и Феликс запомнит все слова от первого до последнего так твердо, что сможет повторить их в любом порядке: с начала до конца, с конца к началу, через одно, через три, через пять и сможет назвать в разбивку любой номер по требованию

публики. Начинаю!

— Зеркало, ружье, весы, находка, лампа, билет, извозчик, бинокль, лестница, мыло… — раздельно произносил Фокусник, не вставляя ни одного замечания.

Чтение длилось не особенно долго, но список казался мне бесконечным. Не верилось, что в нем только сотня слов. Запомнить его было, во всяком случае, свыше сил человеческих.

— Брошка, дача, конфета, окно, папироса, снег, цепочка, ножик, дождь… — монотонно читал Фокусник, не пропустив и моих слов.

Мальчик на сцене слушал, не делая никаких движений; казалось, он спит. Неужели Феликс сможет повторить без пропусков все эти слова?

— Кресло, ножницы, люстра, сосед, звезда, занавес, апельсин. Кончено! — объявил фокусник. — Теперь прошу публику избрать контролеров, которым я передам этот список, чтобы они могли проверить ответы Феликса и сообщить всей публике, правильны ли они.

В числе трех контролеров оказался, между прочим, один из старших учеников нашей школы, толковый и расторопный малый.

— Прошу внимания! — возгласил фокусник, когда «контрольная» комиссия получила список слов и заняла свое место в зале. — Сейчас Феликс повторит все сто слов с первого до последнего. Контролеров прошу следить по списку.

Зал затих и среди общего молчания донесся с эстрады звонкий голос Феликса:

— Зеркало, ружье, весы, находка, лампа…

Слова произносились уверенно, не спеша, но и без запинок и промедлений, словно Феликс читал их по книге. Я в изумлении переводил глаза с мальчика, сидевшего вдалеке, спиной к нам, на троих контролеров, стоявших в зале на стульях. При каждом слове мальчика я ожидал их уличающее «неверно!» Но они молча уставились в список, и лица их выражали лишь сосредоточенное внимание.

Они молча уставились в список…

Феликс продолжал перечисление слов, назвал мои три слова (я не догадался вести счет с самого начала, и не мог проверить, действительно ли они были на 68-м, 69-м и 70-м месте) и перечислял дальше, без перерывов, пока не произнес последнего слова «апельсин».

— Совершенно правильно, ни одной ошибки! — объявил публике один из контролеров, военный-артиллерист.

— Не угодно ли публике, чтобы Феликс перечислил слова в обратном порядке? Или через 3 слова? Через пять? От одного назначенного № до другого?

В ответ раздался смешанный гул голосов:

— Через 7 слов!… Все четные… Через три, через три!… Первую половину в обратном порядке!… От 37-го номера до конца!… Все нечетные!… Кратные шести!…

— Трудно расслышать, прошу не всем сразу — упрашивал фокусник, стараясь перекричать шум.

— От № 73 до № 48! — зычно произнес сидевший впереди меня моряк.

— Хорошо. Внимание!… Внимание! Феликс, назови, начиная с 73-го, все слова до 48-го включительно. Контролеров прошу следить за ответами.

Феликс тотчас же начал перечислять и безошибочно назвал все слова, как надо было: от 73-го назад до 48-го.

— Не угодно ли теперь публике потребовать, чтобы Феликс указал прямо номер какого-нибудь слова из прочитанного списка? — спросил Фокусник.

Я набрался храбрости и, краснея до ушей, крикнул через весь зал:

— Ножик!

— 68 — тотчас же ответил Феликс.

Я крикнул: «Ножик!»

Номер слова был указан правильно!

Посыпались во множестве вопросы из разных концов зала. Феликс едва успевал давать ответы:

— Зонтик 83… Конфета 56… Перчатки 47… Часы 34… Книга 22… Снег — 59…

Когда Фокусник объявил, что первое отделение кончено, весь зал долго хлопал в ладоши и вызывал Феликса. Мальчик выходил, улыбался во все стороны и снова скрывался.

А я, ошеломленный виденным и слышанным, сидел, не глядя ни на кого, и спрашивал себя:

— Одурачен или не одурачен?

Чревовещание

Кто-то хлопнул меня по плечу. Я оглянулся: возле меня стоял тот школьник, который третьего дня читал со мною афишу.

— Ну что? Надули, мелюзга? Заплатил полтинник, а одурачен на рубль?

— А ты разве не одурачен? — раздраженно отрезал я.

— Я-то? Ха-ха! Я ведь заранее знал, что так будет.

— Мало что знал. Все-таки одурачен.

— Нисколько. Шутки эти я хорошо знаю.

— Что знаешь? Ничего ты не знаешь.

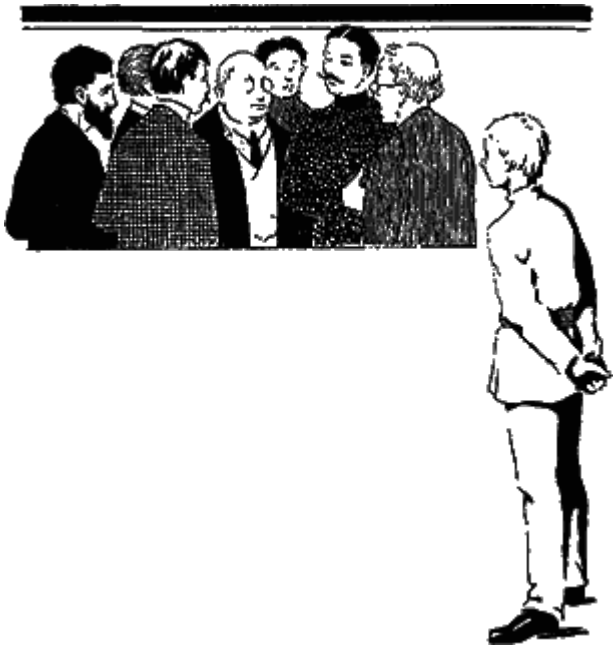
— Весь секрет знаю. Чревовещание! — многозначительно произнес он непонятное мне слово,

— Какое чревовещание?

— Чревовещатель он, дяденька-то этот. Животом говорить умеет. Спрашивает вслух да сам себе брюхом и отвечает. А публика воображает — Феликс. Мальчишка ни слова не говорит: знай, сидит себе да дремлет в кресле. Так-то, мелюзга! Все эти их штуки я хорошо знаю.

— Погоди, как же это можно животом говорить? — в недоумении спросил я, но он уже отвернулся и не слышал вопроса.

Я вышел в соседнюю залу, где зрители прогуливались во время перерыва, и заметил кучку людей, которые, собравшись возле наших контролеров, о чем-то оживленно беседовали. Я остановился послушать.



— Во-первых, чревовещатели вовсе не говорят животом, как наивно полагают многие, — объяснял собравшимся артиллерист. — Это только кажется иногда, что голос чревовещателя исходит из глубины его тела. На самом деле он говорит, как и мы с вами, то-есть ртом, языком, — только не губами. Искусство его в том, что он, говоря, не делает ни одного движения губами, не шевелит ни одним мускулом лица. Когда он произносит слова, вы можете смотреть на него — и не заметить, что он говорит. Поднесите свечку к его рту — пламя не дрогнет: настолько слабо выдыхает он воздух. А так как при этом он еще изменяет свой голос, то вы верите ему, будто слова доносятся откуда-нибудь из другого места, — что говорит кукла или нечто подобное. В этом весь секрет чревовещания.

— Не только в этом, — вставил пожилой человек из окружающей группы. — Чревовещатель прибегает еще к разным уловкам, — продолжал он. — Он хитро направляет внимание зрителей туда, откуда будто-бы доносятся звуки, и одновременно отвлекает внимание от себя самого, чтобы вернее и удобнее скрыть истинного виновника… Вероятно, прорицания древних оракулов и тому подобные мнимые чудеса — проделки чревовещателей. Но скажите: разве вы думаете, что наш фокусник — чревовещатель, и этим объясняете все представление?

— Напротив, я именно и вел к тому, что здесь ничего подобного быть не может. О чревовещании зашла у нас речь мимоходом, потому что многие из публики склонны видеть в этом разгадку сеанса. Я хотел объяснить, что это совершенно

несообразная догадка.

— Но почему же? Почему нет? — раздались голоса.

— Да очень просто. Ведь список слов был в наших руках: фокусник не видал его, когда Феликс перечислял слова. Как же мог фокусник — будь он хоть сто раз чревовещатель — как мог он сам-то запомнить все слова? Пусть мальчик непричем, безгласная кукла, декорация, пусть так. Но какая же дьявольская память должна быть тогда у самого фокусника! Чревовещание нисколько не разъясняет этой загадки, только переносит ее в другое место. А если так, то согласитесь, что для нас довольно безразлично, чревовещатель ли наш Фокусник, или нет.

— Как же тогда объясняется все это? Ведь не чудо же здесь, в самом деле?

— Разумеется, не чудо. Но скажу откровенно: я теряюсь в догадках, не могу придумать никакого объяснения…

Звонок объявил начало второго отделения, и все направились в зрительный зал к своим местам.

Сверх программы

После перерыва фокусник начал какие-то странные приготовления.

Он вынес на середину сцены стойку, состоящую из нижней доски и укрепленной в ней отвесно палки примерно в рост человека. Пододвинув к палке стул, он знаком указал Феликсу стать на него. Затем положил локоть правой руки мальчика на верхний конец палки, достал еще одну палку и подставил ее под левую руку.

Покончив с этими непонятными для меня приготовлениями, фокусник стал делать возле лица мальчика странные движения руками, словно поглаживая его, не прикасаясь.

— Усыпляет, — произнес кто-то из сидевших сзади меня.

— Гипнотизирует! — поправила моя соседка справа.

Феликс в самом деле заснул от этих движений: закрыл глаза и стоял совершенно неподвижно.

Тогда началось самое интересное и загадочное. Фокусник осторожно вынул стул из-под ног мальчика, и тот остался висеть, опираясь локтями о две палки. Фокусник убрал палку из-под левой руки — Феликс попрежнему висел, хотя опирался локтем только об одну палку. Это было совершенно непостижимо!

— Гипнотический сон, — объяснила моя соседка и добавила: — Теперь с ним можно делать что угодно.

Кажется, она была права, потому что фокусник отвел тело Феликса на некоторый угол в сторону от палки — и оно послушно сохраняло это наклонное положение, вопреки силе тяжести. Еще поворот — и мальчик чудесным образом повис горизонтально в воздухе, облокотившись о конец палки.

— Сверх программы, — сказал мой сосед слева.

— Сверх чего? — переспросил я.

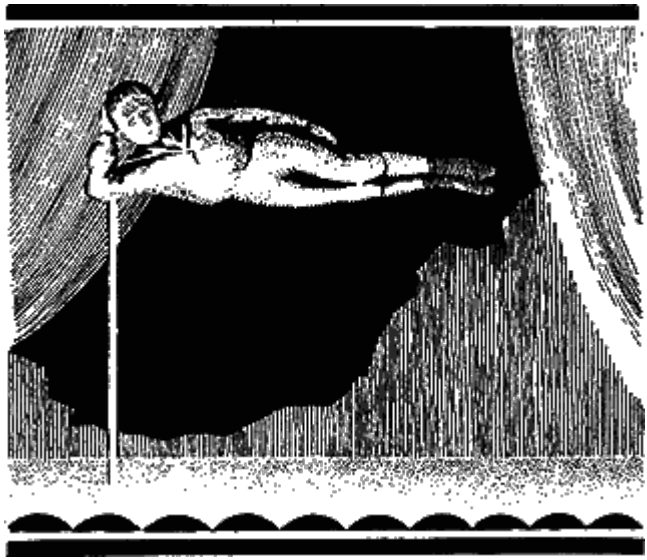
— Сверх программы.

— Как это он там сверх программы? Не понимаю.

— Не он сверх программы, а номер такой. Об этом в афише не объявлялось, ну значит — номер сверх программы дается.

— Да, но на чем он держится?

— Этого уж не умею сказать. Висит как-нибудь. Отсюда не увидишь на чем.



Мальчик повис горизонтально в воздухе…

— Говорю вам: гипнотизм! — вмешалась соседка справа. — Что угодно с ним теперь делать можно.

— Вздор! — возразил левый сосед. — На гипнотизме не повиснешь. Какие-нибудь фокусные бечевки, прозрачные ленты, не иначе.

Но Феликс положительно ни на чем не висел: фокусник нарочно провел рукой несколько раз поверх его тела, чтобы показать, что нет никаких скрытых от публики бечевок или лент. Потом таким же образом провел рукой под телом Феликса. Стало очевидно, что и внизу никаких прозрачных невидимых подпорок быть не могло.

— Видите, видите! Я говорила… Просто гипнотическое состояние, — торжествовала соседка.

— Очень даже просто, — раздраженно ответил сосед. — Фокус, ничего больше. Мало ли фокусники что проделывают! Все гипнотизм скажете…

А Феликс продолжал оставаться в воздухе, словно дремал на невидимом ложе.

Фокусник завязал мальчику глаза, подошел к краю сцены и начал объяснять публике, что последует дальше.

Отгадывание мыслей

Кто желает, может убедиться, — начал фокусник, — что Феликс, оставаясь здесь на сцене с завязанными глазами, будет отгадывать содержимое ваших карманов, кошельков, бумажников. Это — сеанс чтения мыслей.

То, что произошло дальше, было настолько изумительно и необычайно, что действительно походило на какое-то волшебство. Я был совершенно озадачен и сидел, словно очарованный.

Постараюсь передать хотя бы часть из того, что уцелело в моей памяти.

Спустившись в зал, фокусник прошел между рядами публики и, подойдя к одному из зрителей, попросил его вынуть из кармана какую-нибудь вещь. Тот вынул портсигар.

— Прошу внимания! Феликс, можешь ли ты сказать, кто тот человек, возле которого я стою?

— Военный, — донесся до нас ответ Феликса.

— Правильно! Какую вещь он показал мне сейчас?

— Портсигар.

— Кто тот человек, возле которого я стою?

Даже если бы Феликс и не висел в воздухе на сцене с завязанными глазами, он не мог бы видеть, что показал фокуснику военный, сидевший так далеко от него и притом в полутемном зале.

— Правильно, продолжал фокусник. — Догадайся, что я сейчас вижу в его руке?

— Спички.

— Хорошо. Теперь что?

— Очки. (Это было верно).

Фокусник покинул военного и, неслышными шагами пройдя между рядами, остановился у кресла одной юной школьницы.

— Скажи, к кому я подошел? — спросил он, обращаясь снова к Феликсу.

— К девочке.

— Хорошо. Можешь ли сказать, что я сейчас беру из ее рук?

— Гребенку.

— Идеально! Теперь что?

— Перчатку. (Тоже верно).

— А какой человек показывает мне сейчас вещь? — спросил фокусник, неслышно перейдя к другому креслу.

— Статский!

— Ловко. Какую вещь?

— Бумажник.

О чревовещании не могло быть и речи: многие были возле самого фокусника и зорко следили за его поведением. Не оставалось сомнений, что говорил именно Феликс, а не кто-либо другой. Казалось, будто он в самом деле читал мысли в голове фокусника.

Дальше мне пришлось услышать еще более поразительные вещи.

— Догадайся, что я вынимаю из бумажника,?

— Три рубля. (Это было верно).

— А можешь сказать, что теперь?

— Десять рублей.

— Ловко! Узнай, что я держу в данный момент?

— Письмо.

— Теперь к кому я подошел?

— К студенту.

— Идеально. Скажи, что он мне передал?

— Газету.

— Что он мне передал?

— Правильно. Попытайся отгадать, что я от него только что получил?

— Булавку.

В таком духе отгадывание продолжалось и далее, без единой ошибки или даже заминки.

Допустить, что Феликс мог как-нибудь увидеть со сцены булавку в руках Фокусника, было бы полной нелепостью. По если

это не обман, то что же это? Сверхъестественная способность? Ясновидение? Чтение мыслей? Возможно ли?

Такие мысли и вопросы толпились в моей голове после представления.

Я думал об этом по дороге из театра и продолжал думать целую ночь: не мог заснуть, взволнованный всем виденным на этом необычайном представлении.

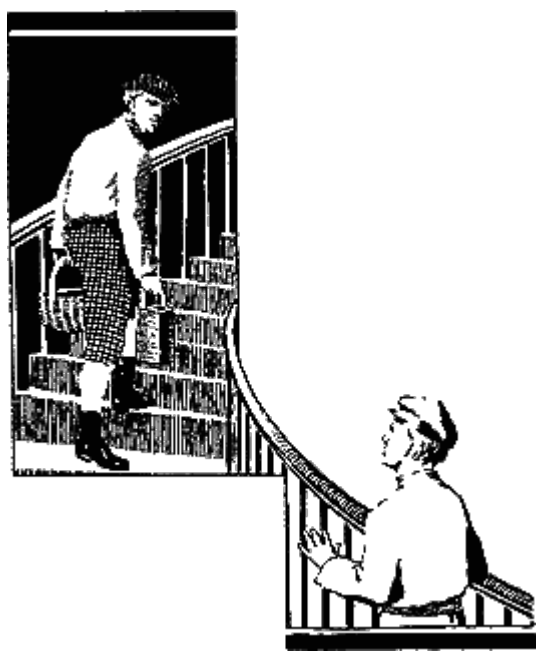
Мальчик с верхнего этажа

Дня через два, поднимаясь по лестнице в нашу квартиру, я заметил впереди себя мальчика, недавно поселившегося со своим старшим родственником в квартире над нами. Они жили обособленно, ни с кем не заводя знакомств, и мне до сих пор ни разу не пришлось ни словом перекинуться с мальчиком-соседом; я не имел случая даже разглядеть пристально его лицо.

Мальчик не спеша шел по лестнице, неся в одной руке жестянку с керосином, в другой — корзинку с овощами. Заслышав позади себя шаги, он обернулся в мою сторону — и меня так и пригвоздило к месту от изумления…

Феликс!

Так вот почему лицо мальчика на сцене показалось мне тогда знакомым!



Молча разглядывал я его, не зная, как начать разговор, а придя в себя, стал беспорядочно сыпать слова: — Приходи ко

мне… Покажу коллекцию бабочек… дневных и ночных… с куколками… Есть электрическая машина… сам сделал… из бутылки… Вот такие искры… Приходи, увидишь…

— А лодочки стругать умеешь? С парусом? — спросил он.

— Лодочек нет. Тритоны в банке… Марки есть, целый альбом. Разные редкости: Борнео, Исландия…

Я и не думал, что так метко попаду в цель этой коллекцией марок. Феликс оказался усердным собирателем их. Глаза его загорелись, и он спустился на несколько ступенек поближе ко мне.

— У тебя есть марки? Много? — Он подошел ко мне вплотную.

— О, самые: редкие: Никарагуа, Аргентина, Трансвааль, старинные финские… Приходи! Приходи сегодня же. Мы живем здесь, в этой квартире. Дернуть звонок. У меня своя комната. На завтра уроков почти не задано…

Так состоялось наше первое знакомство. Феликс обещал придти завтра, и действительно, пришел на другой день под вечер. Я тотчас же отвел его в свою комнату и стал показывать достопримечательности: коллекцию из 60 бабочек с куколками, которую я собирал два лета; самодельную электрическую машину из пивной бутылки — предмет моей гордости и всеобщей зависти товарищей; четырех тритонов в стеклянной банке, пойманных еще прошлым летом; пушистого кота Серко, подававшего лапу, как собака; наконец, альбом марок, какого не было ни у кого в классе. Феликса интересовали только марки. В его коллекции не имелось и десятой доли того, что он нашел у меня. Он объяснил мне, почему ему так трудно собирать их. Покупать в магазинах — дядя денег не дает (фокусник приходился ему дядей; Феликс был круглый сирота). Обмениваться не с кем: нет знакомых. Письма почти ни от кого не приходят: ведь они не живут, как все люди, на одном месте, а беспрестанно переезжают из города в город, не имея постоянного адреса.

Я стал показывать достопримечательности...

— А почему у тебя знакомых нет? — спросил я.

— Как им быть? Только познакомишься с кем-нибудь, как уже едем в новый город, и знакомство прекращается. Дважды в один город не приезжаем. Да и не любит дядя, чтобы я заводил знакомства. Я и к тебе пришел украдкой: дядя не знает, его дома нет.

— Почему же не хочет дядя, чтобы у тебя были знакомства?

— Боится, чтобы я кому-нибудь не открыл секрета.

— Какого секрета?

— Да фокусов. Никто тогда на представление ходить не станет. Что за интерес?

— Так это, значит, были фокусы?

Феликс молчал.

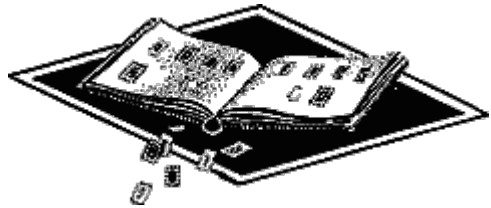
— Скажи, это фокусы были, что вы показывали с дядей? Да? Фокусы все таки? — дознавался я.

Но не так-то легко было заставить Феликса говорить об этом. Он не поворачивал головы в мою сторону и перелистывал альбом, не произнося ни слова.

— А есть у тебя Аравия? — спросил он наконец, перелистывая альбом марок и словно не слыхав моих настойчивых вопросов.

Я понял, что добиваться от него ответа бесполезно, и занялся показыванием моих редкостей.

В тот вечер я не узнал от Феликса ничего такого, что могло бы объяснить мне загадку «чуда нашего века».

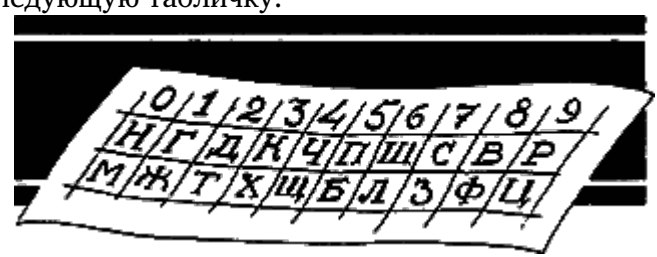


Секрет феноменальной памяти

И все-таки я добился своего! На второй день Феликс открыл мне секрет необычайной памяти. Не буду подробно рассказывать, как сумел я расположить его к откровенности. Пришлось расстаться с дюжиной редчайших марок; я выложил их на стол, и Феликс не устоял перед соблазном.

Это было на квартире у Феликса. Я пришел, как было у нас заранее условлено, потому что Феликс еще вчера знал, что дядя отлучится на ближайшую станцию.

Прежде чем открыть тайну, Феликс заставил меня долго и торжественно клясться, что я «никогда — никому — низачто» не скажу о ней ни единого слова. После этого он написал на полоске бумаги следующую табличку:



С недоумением смотрел я то на бумажку, то на Феликса, ожидая пояснений.

— Видишь ли, — начал он, таинственно понизив голос, — видишь ли, мы заменяем цифры буквами. Нуль заменяем буквой Н, потому что с нее начинается слово «нуль», или же буквою М.

— А почему М?

— Созвучно с Н. Единицу заменяем буквой Г. потому что писанное Г похоже на I:

I *Г*

— Откуда же буква Ж?

— Часто Г переходит в Ж: бегу — бежишь.

— Понял. Буква Д отвечает 2, потому что «Два», а Т созвучно с Д. Но почему К — три?

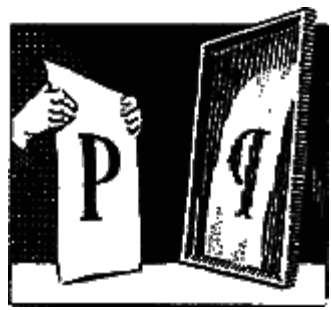
— Состоит из трех черточек. А Х произносится сходно с К.

— Хорошо. Четыре — Ч или созвучное с ним Щ. Пять — П, или созвучное Б; шесть Ш. Но почему Л?

— Просто так. Прямо надо запомнить: 6—Л. Но зато «Семь» — С или З; восемь В или Ф; это понятно.

— Да. Но отчего 9—Р?

— В зеркале 9 похоже на Р.



— А Ц?

— Хвостик, как у девятки.

— Таблицу запомнить нетрудно. Но я еще не вижу, к чему она.

— Погоди. В табличке одни только согласные звуки. Если соединить их с гласными — ведь гласные сами по себе не означают цифр — то можно составить слова, которые в то же время будут выражать числа.

— Например?

— Например «окно» означает 80, потому что К—3, Н—0.

— И всякое слово может означать число?

— Конечно.

— Ну, «стол»?

— 736: с—7, т—3, л—6. Ко всякому числу можно подобрать слово, хотя это не всегда легко сделать. Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Ну, так это можно выразить словом «годы»: Г—1, Д—2.

— А если бы было 18?

— Тогда «жук»: Ж—1, К—3

— А 453? — спросил я наобум.

— «Чубук».

— Занятно! Это, конечно, помогает тебе запоминать числа. Но ты ведь повторял длинный ряд слов. Как же это?

— Дядя придумал счетные слова от 1 до 100. Вот первые десять:

1. Еж
2. Яд
3. Ока
4. Щи
5. Обои
6. Шея
7. Усы
8. Ива
9. Яйцо
10. Огонь

— Ничего не понимаю! Что за «счетные» слова?

— Ну, недогадливый! «Еж» это 1, потому что Ж—1; «яд» — 2; «Ока» — 3; «Щи» — 4…

— Понял! «Обои» — 5, потому что Б—5; «Шея» — 6…

— Ну, вот. Ты видишь сам, что запомнить эти слова совсем нетрудно. А держа их в голове, ты можешь уже привязать к ним любые 10 слов, какие тебе прочтут.

— Как привязать? Непонятно.

— Напиши какие-нибудь 10 слов, объясню.

Я написал:

снег, ведро, смех, город, картина, сапог, машина, сажень, золото, смерть.

— Когда мне читают такой ряд слов, — сказал Феликс — я в уме ставлю каждое из них рядом с очередным счетным словом, вот так:

1. Еж — снег

2. Яд — ведро

3. Ока — смех

4. Щи — город

5. Обои — картина

6. Шея — сапог

7. Усы — машина

8. Ива — сажень

9. Яйцо — золото

— При этом, — продолжал Феликс, — я говорю себе примерно такие фразы:

1. Еж бежит по *снегу*.
2. В *ведре* яд.
3. На Оке раздается *смех*.
4. В *городе* едят щи.
5. На обоях висит *картина*.
6. *Сапоги* перекинуты через шею.
7. Усы завязли в *машине*.

— Как же усы завязли в машине? Глупо выходит.

— И пусть глупо. Глупое еще лучше запоминается. Почему «еж на снегу», «сапоги через шею»? Тоже ведь бессмыслица, а запоминается очень хорошо.

— Ну, дальше. Как связать иву с *саженью*?

— Ива в *сажень* вышины.

— А яйцо и *золото*? Ничего общего.

— Золото, как желток, по цвету то-есть.

— А огонь причиняет *смерть*?

— Хотя бы и так. Привязал эти слова, а теперь могу повторить весь список, припоминая по-порядку, что связано с каждым счетным словом:

Еж бежит по *снегу*.

Яд — в *ведре*.

На Оке раздается *смех*.

Щи едят в *городе*.

— Погоди-ка, дальше я сам попробую:

На обоях висит *картина*.

Через шею перекинуты *сапоги*.

Усы застряли в *машине* дурацким образом…

— Вот видишь, помогла глупая фраза. А восьмое слово?

— Восемь — ива в *сажень* высоты. Девять яйцо — его желток, как *золото*. А огонь — *смерть*.

— Теперь назови сразу 5-е слово, — предложил мне Феликс.

— Пять — обои — *картина*.

— Попробуй перечислить те же десять слов в обратном порядке.

Я начал довольно неуверенно, но, к собственному изумлению, безошибочно назвал все слова.

— Ура! — не удержался я от радостного восклицания. — Я теперь сам могу показывать фокусы!

— Но ты дал слово…

— Помню, не бойся; я только так сказал. Но ведь ты повторял не десяток, а сотню слов. Как же это ты?

— Тем же способом. Нужно только затвердить все сто счетных слов.

— Скажи мне хоть второй десяток.

Феликс написал:

11—гага	16—игла
12—гад	17—гусь
13—жук	18—агава
14—гуща	19—гора
15—губа	20—дом

— Слова могут быть и другие, — пояснил Феликс. — Ты можешь сам подобрать. Например, два у нас было раньше не «яд», а «уда»; но неудобно для связывания, и я просил дядю заменить «уду». Тогда он придумал «яд». А десять было прежде «ужин»; я сам придумал вместо этого «огонь». Вот, «агава» очень неудачное слово, но дядя лучше не мог пока придумать.

— Но помнить сто фраз! Разве не трудно?

— Не так трудно, если часто упражняться. Я сейчас еще помню те сто слов, которые были даны мне для запоминания на последнем представлении.

— И мои помнишь?

— Какие номера?

— 68-й, 69-й, 70-й.

— Ножик, дождь, пожар.

— Верно! Но как же ты это?

— Вот: 68 у нас «олово»; 69 — «липа»; 70—«сон». Из олова не сделаешь *ножика*, под липой пережидают *дождь*, во сне видят *пожар*.

— И долго будешь помнить?

— До следующего представления, вероятно… Дядя идет, дядя!… — засуетился он в испуге, увидев в окне фигуру дяди на дворе. — Уходи скорее…

Мне удалось проскользнуть…

Мне удалось счастливо проскользнуть к себе, прежде чем фокусник успел дойти до лестницы.

Тайна отгадывания мыслей

Я ликовал. Половина тайны стала мне известна… Один только человек из всех зрителей знает секрет фокуса, и этот единственный человек — я!

А спустя еще день, я узнал и вторую половину тайны. Цена ее была велика: мой альбом марок, вся коллекция, которую я собирал два года, перешла к Феликсу. Впрочем, должен признаться, что в последние месяцы, увлекшись электрическими опытами и приборами, я заметно охладел к своим маркам и расстался с ними теперь без особого сожаления.

После новых моих клятв и уверений в строжайшем соблюдении тайны, Феликс открыл мне, что у него с дядей выработан свой условный язык, на котором они открыто разговаривают в присутствии публики, хотя никто из зрителей об этом не догадывается. Вот часть тайного словаря этого языка:

Когда вопрос начинается словами	То это значит или:	или:	Если же раньше сказано еще слово „ловко" то значит:
Как, какой	копейка или рубль	статский	бумажник
Теперь, что, где	2 коп 2 руб.	студент	кошелек
Так, догадайся	3 коп. 3 руб	девушка	медная монета
Верно! потрудись	5 коп. 5 руб.	моряк	платок
Можешь ли	10 коп. 10 руб.	военный	письмо
Узнай	15 коп	женщина	серебрен монета
Скажи	20 коп	девочка	карандаш
Молодец! по-пытайся	иностран. монета	мальчик	папиросa

Я не сразу понял смысл этой таблицы. Феликс объяснил на примере, как он с дядей пользуются ею. Предположим, что женщина из публики дала дяде свой кошелек. Тогда он громко спрашивает Феликса, сидящего на сцене с завязанными глазами:

— Узнай, кто передал мне вещь?

«Узнай» по таблице означает женщина. И Феликс отвечает:

— Женщина.

— Ловко! — восклицает дядя. — Теперь скажи, что за вещь?

«Ловко» вместе с «теперь», согласно таблице — кошелек. Получив от Феликса правильный ответ, дядя продолжает:

— Ловко! Можешь ли сказать, что я сейчас вынул из кошелька?

— Письмо, — отвечает Феликс, помня тайный смысл сочетания слов «ловко» и «можешь».

— Ловко! Догадайся, что я теперь беру?

— Медную монету, — отвечал Феликс, потому что слово «ловко» вместе с «догадайся» означает на их языке именно это.

— Так! Догадайся какую? — продолжал дядя.
— Три копейки.
— Ловко! Скажи, что я теперь получил?
— Карандаш.
— Верно! От кого?
— От моряка.
— Молодец. Что он сейчас дал мне?
— Иностранную монету.

Дядя может совершенно спокойно говорить на этом языке, сколько ему угодно. Возгласы: «Ловко!», «Верно!», «Молодец!», слова «можешь», «узнай», «так», «догадайся» — самые естественные, самые безобидные выражения, ни у кого не могущие вызвать подозрений.

Другой ряд условных оборотов был иного рода (см. таблицу на след. странице).

Когда вопрос начинается словами	и раньше было сказано слово			
	правильно	отлично	хорошо	идеально
	то это означает			
Как, какой	портсигар	кольцо	часы	веер
Теперь, что, где	сигара	брошка	очки	перчатки
Так, догадайся	спички	медальон	пенсне	шляпа
Верно! Погрудись	зажигалка	брелок	мундштук	фуражка
Можешь ли	спичечница	шпильки	гребень	трость
Узнай	пепельница	наперсток	фотография	книга
Скажи	иголка	ножики	цветок	газета
Молодец! Попытайся	булавка	перо	щетка	журнал

Предусмотрены чуть не все предметы, какие могут оказаться в карманах у посетителей представления. Ничто не могло

застигнуть фокусника неподготовленным.

Но и это еще не все. Чтобы показывать представления на дому, по приглашению, у дяди с племянником в запасе еще подбор слов, означавших то, что указано на табличке стр. 51-й.

Когда вопрос начинается словами:	и спрашивается о том, к чему кто-нибудь	
	приблизился,	подошел,
	то это означает:	
Как, какой	к буфету	к двери
Теперь, что, где	к комоду	к окну
Так! Догадайся	к зеркалу	к печке
Скажи	к столу	к передней
Верно. Потрудись	к дивану	к гостиной
Можешь ли	к креслу	к кабинету
Узнай	к этажерке	к столовой
Молодец! Попытайся . . .	к стулу	к шкафу

Зная твердо эту табличку, дядя с племянником могут показывать удивительные вещи: Феликс с завязанными глазами угадывает, что делает тот или иной гость. Разговор ведется примерно так:

— Теперь кто из гостей встал?

— Студент («теперь» — таблица стр. 47-й).

— К какому предмету он приблизился?

— К буфету.

— Так. А сейчас к чему подошел?

— К печке.

— Верно! А сейчас куда подходит?

— К гостиной.

И так далее.

Наконец, для отгадывания пальцев на руке и игральных карт придуман еще ряд условных фраз:

Когда вопрос начинается словами:	и речь идет о руке		и речь идет о картах
	то надо отсчать:		
Как, какой	большой палец	правой руки	пики
Теперь, что, где	указательный	правой руки	трефы
Так! Догадайся	средний	правой руки	бубны
Скажи	безымянный	правой руки	черви
Верно! Потрудись	мизинец	правой руки	валет
Можешь ли	большой палец	левой руки	дама
Узнай	указательный	левой руки	король
Отгадай	средний	левой руки	семерка
Молодец! Попытайся . . .	безымянный	левой руки	восьмерка
Ну-с	мизинец	левой руки	девятка
Молодец! Попытайся . . .	безымянный	левой руки	восьмерка
Ну-с	мизинец	левой руки	девятка

Туз, двойка, тройка, пятерка и десятка обозначались так же, как монеты в 1, 2, 3, 5 и 10 копеек; четверка — как 15 коп., шестерка — как 20 коп., и т. п.

Словом, все предусмотрено и разработано до мелочей. Достаточно овладеть этим условным языком, чтобы получить возможность изумлять публику самыми необычайными и разнообразными фокусами мнимого отгадывания мыслей.

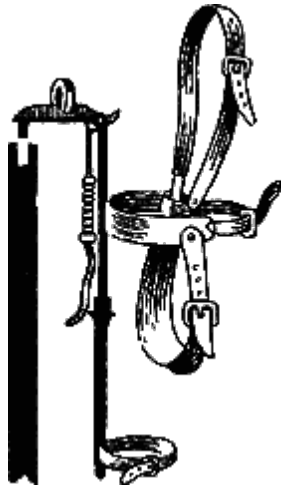
Как ни просто казалось мне отгадывание теперь, когда я посвящен в его тайну, я не мог не изумляться остроумию этой уловки. Разгадать секрет сам я, конечно, никогда бы не мог, и мне нисколько не жаль было коллекции марок, отданной взамен за раскрытие тайны.

Но еще одна тайна оставалась неразгаданной: секрет непостижимого витания в воздухе.

Как мог Феликс долго и спокойно лежать в воздухе, облокотившись о палку?

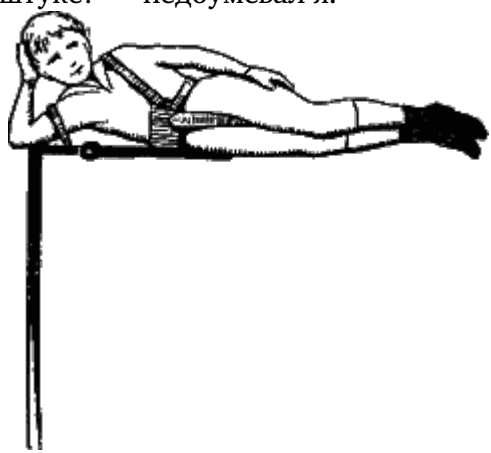
Говорят, какой-то гипнотизм. Но что это такое?

Феликс в ответ выдвинул ящик комода и вынул оттуда странную вещь: толстый железный прут с какими-то прикрепленными к нему кольцами и ремешками.



— Вот на чем я держался, — коротко объяснил он.

— На этой штуке? — недоумевал я.



— Она была надета на меня, под платьем, конечно. Смотри как. — Он ловко всунул ногу и руку в кольца и затянул ремень вокруг груди и пояса. — Если теперь вот этот конец всунуть в палку, то я и повисну словно в воздухе. Со стороны не видать, на чем вишу. Дядя это делает незаметно. Висеть очень удобно, никакой усталости; хоть засни, если хочешь.

— А ты разве не спал?

— На сцене? Зачем? Просто закрываю глаза, дядя велит.

Я вспомнил спор моих соседей и расхохотался: так просто!

Я ушел от Феликса, сотый раз обещав ему в самых торжественных выражениях никому никогда не открывать даже частицы тех тайн, которые он мне доверил.

А на другой день я увидел из окна нашей квартиры, как Феликс с дядей садились в пролетку, чтобы отправиться на вокзал. «Чудо нашего века» покинуло мой родной город.

Я не подозревал тогда, что вижу Феликса в последний раз.

Больше мне не пришлось с ним встречаться. Я даже не слышал ничего о представлениях «чуда нашего века» в других городах.

Но я строго соблюдал клятву, данную Феликсу, и целый ряд лет никому не рассказывал секретов «Феноменальной памяти» и «чтения мыслей».

Статья профессора Б.

Мне остается рассказать о том, почему я считаю себя теперь свободным от слова, когда-то данного мною Феликсу — не разглашать его секрета. Дело просто: я узнал, что секрет уже открыт и даже опубликован в журналах; скрывать тайну стало бесполезно. Феликс — не единственное «чудо нашего века», а его дядя — не единственный фокусник, прибегающий к таким уловкам. Лет десять назад мне попался номер распространенного немецкого журнала, в котором подробно описывался способ запоминания длинных рядов слов, практикуемый странствующими фокусниками. А спустя еще года три, я прочел в русском медицинском журнале статью нашего известного ученого, профессора Б., где раскрывался секрет мнимого чтения мыслей. Статья настолько поучительна, что я привожу ее здесь в извлечении[1] — хотя читатели теперь и не найдут в ней никаких неожиданностей.

> «Весною 1916 г. в одном из летних театров стало появляться объявление об ясновидящей, отгадывающей мысли на расстоянии. Самое представление происходило при такой обстановке. Вышла на сцену девочка лет 11-ти. Ей подставили стул, за спинку которого, стоя сзади него, она придерживалась рукой. Затем ей плотно завязали глаза большим белым платком. После этого отец ее стал ходить в рядах публики, наполнявшей обширный зал театра, и, увидев предметы в руках того или другого лица, или знаки, имевшиеся на платье, или узнав путем ощупывания вещи, находившиеся в кармане, заставлял девочку, находившуюся на сцене, путем вопросов говорить названия этих предметов. Девочка тотчас же отвечала, называя громко и вполне безошибочно предметы и при том большею частью с поразительной быстротой. Если в кармане у кого-либо оказывалась записка, ее можно было показать отцу девочки, который, прочитав записку про себя, тотчас же спрашивал о ней девочку, и девочка слово за словом называла то, что было написано в записке.
>
> «Когда отец подошел к нашей ложе, он тотчас же спросил девочку, указывая на меня:
>
> — Кто это?
>
> «С ее стороны немедленно послышался громкий

ответ:

— Доктор.

— Как его имя?

«Опять последовал ответ с указанием моего имени.

«Я вынул из кармана книжку „Медицинский календарь“ и попросил, чтоб девочка прочла в ней заголовок. За вопросом отца последовал правильный ответ:

— Календарь.

«Все ответы сопровождались взрывом рукоплесканий».

Профессор удостоверяет при этом, что нельзя было заметить решительно никаких условных жестов или сигналов, подаваемых отцом девочке. Точно также

«совершенно отпадало подозрение, что отец-чревовещатель, сам отвечающий на задаваемые им вопросы. Желая обстоятельнее изучить все условия опытов, профессор предложил отцу повторить сеанс не на сцене, а в другом месте, где нет большой публики.

«Он любезно согласился на это, — продолжает профессор, — и мы с несколькими присутствовавшими в нашей ложе лицами удалились в контору театра, где кроме нас, отгадчицы и ее отца находилась еще одна посторонняя женщина, работавшая с конторскими книгами и совершенно не интересовавшаяся опытами.

«Здесь прежде всего я обратился с различными вопросами к девочке, на лице которой заметил большое смущение. На вопрос, может ли она проделывать опыты отгадывания со мною, она, после некоторого размышления, ответила, что должна к этому еще привыкнуть. На мой вопрос, обращенный к ее отцу, сколько времени надо ей привыкнуть, чтобы она могла и со мной делать опыты с отгадыванием, со стороны отца последовал ответ: „Около месяца“.

«Нечего и говорить, что опыты с отгадыванием, которые я попробовал проделать с девочкой, оказались неудачными. Тут же было решено проделать несколько опытов с отцом. Я поставил девочку позади стула в глубине комнаты, вблизи стены, а сам сел на стул, стоявший перед девочкой. Отец, находившийся в расстоянии нескольких аршин от противоположной стены, задавая девочке вопросы о разных вещах, ему показываемых, тотчас же получал от нее ответы о разных

вещах; при этом произношения отцом названия вещей, хотя бы и шепотом, я не слышал, а так как отец находился вблизи, то можно было опять-таки определенно удостовериться в том, что шевеления губ и никакого шептания вообще с его стороны не делалось, и губы его после сделанного вопроса оставались совершенно сомкнутыми в то время, когда девочка громко произносила ответы.

«В целях большей убедительности решено было проделать опыты так, чтобы отец находился вне комнаты за дверью, а девочка попрежнему оставалась в глубине комнаты за стулом. При этих опытах я находился вблизи отца и внимательно следил за ним. Ответы девочки опять были вполне удачны, хотя отец ее только спрашивал, не подавая никаких сигналов, которые помогли бы ей отгадывать».

По окончании этих опытов профессор, не желая упускать такого благоприятного случая исследовать редкий феномен до конца, предложил отцу девочки-отгадчицы повторить опыты у него на квартире. Отец, после некоторого размышления, согласился. Условились о дне и часе, когда отгадчица с отцом прибудут на квартиру профессора для производства опытов в спокойной обстановке, при небольшом числе зрителей.

Наступил условленный день, но редкие гости не приехали. Прождав напрасно, ученый в тот же вечер отправился на очередное представление, где его неявившиеся гости должны были показывать свои опыты «чтения мыслей» перед публикой.

Закончилась эта история довольно неожиданным образом. Вот как рассказывает об этом профессор:

«Уже на дворе театра меня остановил какой-то господин, ранее мне совершенно не знакомый, и отрекомендовался непрактикующим врачом, хорошо знающим данный театр и, между прочим, отца девочки. Он заявил, что отец не мог приехать потому, что выступая с опытами в театре, он имеет дело с публикой, среди которой интерес к такому представлению поддерживается исключительно тем, что самое явление признается загадочным; но меня, как человека науки, он не может вводить в заблуждение тем более, что ему ясно, что я и сам догадываюсь о действительной природе явления, как он убедился в том из моих слов во время опытов за кулисами театра; и потому, если бы я был в прошлый раз во время представления в конторе театра

один-на-один с отцом девочки, он не преминул бы открыть мне свой секрет; но так как я был с людьми из публики, то сделать ему этого было нельзя. Он не мог бы также сделать этого и у меня на дому, ибо предполагалось представление с людьми из публики. Поэтому он и уклонился от представления у меня на квартире; но, предупредив меня о том, в чем заключается дело, он охотно сделает представление и у меня на дому при какой угодно публике.

«Секрет же заключается в том, что отец имеет свой особый ключ из вопросов для разных обиходных предметов и особый ключ для азбуки и цифр, который девочка хорошо усвоила и хорошо распознает по нему, что требуется ей ответить. Все обыденные предметы, как, например, папиросница, спичечница, погон, ордена, книжка, билет и т. п., как и обыденные имена — напр., Николай, Александр, Владимир, Михаил и т. д. — имеют отдельной ключ собственно для легкости отгадывания: Для всех же других менее обиходных названий служит азбучный и цифровой ключ; иначе говоря, слова вопроса содержат в себе обозначения определенных букв и цифр.

«Допустим, например, что надо отгадать цифры 37; для этих цифр может быть условный ключ: „Скажи скорее“, — при чем слово „скажи“ соответствует 3, а „скорее“ 7. Естественно, что когда отец спросит девочку, какая цифра на погонах у офицера, и прибавит „скажи скорей“, — то девочка ответит 37. Если в записной книжке окажется написана, например, цифра 377 — добавление к вопросу будет такое: „Скажи, скорей, скорей“, а например, 337, — к вопросу будет добавлен: „Скажи, скажи скорей“. Если, предположим слово „ну“ будет соответствовать единице, тогда для отгадывания цифры 137 к вопросу будет добавлено: „Ну, скажи скорей“; для отгадывания цифры 1317, вопрос будет сопровождаться словами „Ну, скажи, ну, скорей“, и т. д.

«Составленный заранее ключ для обиходных предметов дает еще более легкую возможность отгадывания; например, слово „что“ обозначает „часы“ а „что такое“ — кошелек, „что тут такое“ — гребенку. Ясно, что если вопрос будет задан так: „В кармане что?“, ответ будет дан: „Часы“, а при вопросе: „в кармане что такое?“ — ответ будет „Кошелек“; при вопросе „Что тут такое?“ — ответ будет: „Гребенка“. Переход с условного ключа для обиходных предметов, на цифры или на

азбуку, конечно, обозначается опять-таки определенным условным словом, например: „Подумай хорошенько“, — и отгадчица знает, что надо составлять слово по азбуке.

«В заключение мой собеседник предупредил меня, что он передает о профессиональном секрете отгадывания с тою целью, чтобы отец при моем желании имел возможность после этого сделать представление у меня на квартире хотя бы и в присутствии посторонних лиц. Я поблагодарил его, и мы вошли в театр.

«Сидя в ложе и наблюдая за ответами отгадчицы, как и в прошлый раз, я теперь мог ясно следить за всеми подробностями фокуса. Отец, проходя по рядам публики, само собой разумеется, ничуть не нуждался в сосредоточении своего внимания на предмете, имевшемся у того или другого лица из публики. Он не нуждался и в том, чтобы пронизывать отгадчицу своим взором. Ему просто было нужно знать самый предмет и затем задавать девочке вопросы по условленному ключу, хотя бы даже и не смотря на нее, — и девочка, хорошо усвоившая ключ, руководясь этими вопросами, отвечала незамедлительно».

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

П. Литвинов

УРАГАН

ПОВЕСТЬ

из жизни научного работника на необитаемом острове

Рисунки М. Григорьева

Цена 60 коп.

1925 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАДУГА"
Москва, Пятницкая 30, тел. 4-00-76.
Ленинград Фонтанная 14, тел. 1-68-39.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Я. И. Перельман

ЧИСЛА-ВЕЛИКАНЫ

СОДЕРЖАНИЕ:

Выгодная сделка.— Городские слухи.— Награда.— Легенда о шахматной доске.— Быстрое размножение.— Бесплатный обед

Рисунки В. Твардовского

Цена 60 коп.

1926 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАДУГА"
Москва. Пятницкая 20. тел. 2-00-76.
Ленинград. Стремянная 12. тел. 1-08-32.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

П. Литвинов и С. Рахманин

НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ

СОДЕРЖАНИЕ:

Воздушный замок.—Спор в огороде.—
Бабочка и Наездник.—Грибы-Хвастуны.—
Лисица и Барсук.—Птица-Разбойник

Рисунки **С. Рахманина**

Цена 60 коп.

1925 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАДУГА“
Москва, Петровка 20, тел. 4-90-76.
Ленинград, Стремянная 14, тел. 1-62-32.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Виталий Бианки

МУРЗУК

ПОВЕСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

На просеке.—Мурзук получает имя и помилование.—Детство и воспитание.—Незваный гость.—М-р Джекобс выигрывает пари.—В тюрьме.—Ночью.—Бунт.—Свидание.—М-р Джекобс тренируется.—Страх.—На реке.—Компас и телеграф.—Страшный всадник.—Оборотень.—Травля.—Друг.—Заключение

Страниц 128. Многочисленные иллюстрации художника В. Тихорева

Цена 1 р. 15 коп.

1925 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАДУГА"
Москва, Петровка 20. тел. 4-90-76.
Ленинград Стремянная 14. тел. 1-68-32.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Б. Житков

ПАРОВОЗЫ

СОДЕРЖАНИЕ:

Часть 1. Тележка Кюньо.— На угольных копях.— Кочегар.— Сын.— Лампа.— Ричард Треветик.— Тележка Мердока.— Рельсы.— Новый паровоз.— Джордж Стефенсон.— Упорство.— Рокет. Часть 2. Две породы.— В больнице.— Горный паровоз.— Туннель.— Сухопутный пароход.— Казенная дорога.— Секунды.— Часть 3. Сквозь огонь.— Старуха.— Встреча.— Остановия.— Будка.— В бою

Страниц 152. Многочисленные чертежи и рисунки художника В. В. Владимирова

Цена 1 р. 35 коп.

1925 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАДУГА"
Москва, Петровка, 20, тел. 4-90-70.
Ленинград, Стремянная 14, тел. 1-68-32.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Николай Чуковский

ТАНТАЛЭНА

ПОВЕСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

Мои мечты.— Письмо.—Таинственный посетитель.— Отплытие.—Крысиный палач.— Узники.— У меня есть союзница.— Бунт.— Допрос на палубе.— Я болен.— Шквал.— Неведомая земля.— Китайская таверна.— Погоня.— Верховный Совет.— Заговор.— Выборы атамана.— В опере.— Автомобильная гонка.— От океана к океану.— Воды! Воды! Эпилог

Страниц 176. Книга иллюстрирована многочисленными рисунками художника Юрия Черкесова

Цена 1 р. 40 коп.

1925 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАДУГА"
Москва. Петровка 20, тел. 4-90-74.
Ленинград. Стремянная 14, тел. 1-68-32.

notes

Примечания

1

Приводимая далее статья не вымышлена: она принадлежит академику В. М. Бехтереву и была напечатана в журнале «Русский Врач» в № 43–47 за 1917 г.